

УДК 316.334.2

Кареева С.Г., Пинчук А.Н., Некрасов С.В.

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ
КОРРУПЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СУБЪЕКТЫ, МЕТОДЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

THE QUESTION OF STUDYING CORRUPTION POTENTIAL:
DEFINITION, ACTORS AND RESEARCH METHODS

Кареева Светлана Геннадьевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Российской академии наук, г. Москва, Россия
e-mail: Svetlran@mail.ru
Svetlana G. Karepova — PhD in Sociology, leading research associate, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
e-mail: Svetlran@mail.ru

Пинчук Антонина Николаевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Российской академии наук, г. Москва, Россия
e-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru
Antonina N. Pinchuk — PhD in Sociology, research associate, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia)
e-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru

Некрасов Сергей Владимирович — научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Российской академии наук, г. Москва, Россия
e-mail: sv_79@inbox.ru.
Sergey V. Nekrassov — Research associate, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia)
e-mail: sv_79@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается потенциал феномена коррупции, выделяются его основные характеристики, предлагается авторское определение понятия «коррупционный потенциал» в теоретическом контексте социально-гуманитарных наук. Анализируются воспроизводство, динамика и субъекты коррупционного потенциала. Особое внимание уделяется методам исследования коррупционного потенциала, показывается возможность его изучения на междисциплинарной основе.

Abstract. This article considers the potential of the phenomenon of corruption and identifies its main characteristics. The authors offer

their definition of the concept "corruption potential" in the theoretical context of socio-humanitarian sciences. The article also analyzes the reproduction, dynamics and actors of corruption potential. A special attention is paid to the methods of research on corruption potential, its study is focused on a multidisciplinary basis.

Ключевые слова: коррупция, коррупционный потенциал, субъекты коррупционного потенциала, методы исследования.

Keywords: corruption, corruption potential, actors of corruption potential, research methods.

Введение

В последнее десятилетие отмечается усиление мер, направленных на противодействие и устранение последствий коррупции в российском обществе, о чем свидетельствует последовательная ратификация ряда правовых актов и реализация комплекса антикоррупционных мероприятий. В частности, принятый в 2008 году Федеральный Закон «О противодействии коррупции» [15] существенно укрепил правовую платформу для планомерной и целенаправленной борьбы с коррупцией в России. Дальнейшему наращиванию антикоррупционного потенциала содействовали утвержденные впоследствии Указы Президента РФ о национальном плане противодействия коррупции, последний из которых определяет курс политики до 2020 года [14].

Комплексный и системный характер проявлений феномена коррупции потребовал консолидации усилий органов государственной власти, институтов гражданского общества и научно-исследовательских профессиональных коллективов. Так, в 2000-х годах начинают работать общественные антикоррупционные комитеты, центры противодействия коррупции и другие профильные общественные организации.

Повышенный интерес к коррупции проявляется также в научных кругах, привлекая внимание ученых к различным аспектам данного социального явления. Ведущие научные организации приступают к фундаментальным разработкам в области исследования коррупции, расширяют теоретическую базу ее изучения, создают авторские методики измерения на междисциплинарной основе [4; 13].

Есть основания полагать, что в ходе продолжительной практики борьбы с коррупцией удалось добиться положительных сдвигов и в общественном мнении. Подтверждением тому являются данные социологических опросов ВЦИОМ, согласно которым в последние годы все больше россиян отмечают результаты борьбы с коррупцией (40% в 2016 г., 55 % в 2018 г.) [5].

Но борьба, как известно, развивается в контексте противодействия различных сил. В этом смысле антикоррупционному потенциалу российского общества противостоит коррупционный потенциал, который во многом опосредует способность коррупции адаптироваться и изменяться, сопротивляться и развиваться, в целом, характеризует выживаемость коррупции как системы. Все это увеличивает значимость изучения латентного потенциала феномена коррупции, способного создавать барьеры антикоррупционной политике. Однако исследовать коррупционный потенциал довольно проблематично. Нет необходимости указывать на латентный характер феномена коррупции и сложность его изучения, о чем уже достаточно сказано. Скрытый потенциал теневого социального явления — вот, что вдвойне затрудняет задачу в научно-практическом плане. Между тем, не уделяя достаточно внимания коррупционному потенциалу как предмету теоретико-методологического анализа, можно оставить «в тени» эмпирических исследований важные для эффективной антикоррупционной борьбы проявления коррупции.

В рамках стратегии понимания коррупционного потенциала как самостоятельного феномена, который возможно и необходимо исследовать, определим его сущность, рассмотрим субъекты и уточним методы измерения.

Коррупционный потенциал как самостоятельный феномен: теоретические основы исследования

Неоднозначный и многосторонний характер коррупции во многом опосредует сложность ее восприятия в едином контенте. Как правило, данное явление анализируется в аспекте политических [16; 18; 21; 25], экономических [10; 17; 24], социально-культурных особенностей [9; 19; 22], реже рассматривается совокупность данных характеристик в рамках интегративного подхода с учетом социально-психологического аспекта [1; 20].

В политико-правовом контексте коррупцию обычно связывают с незаконной деятельностью должностных лиц, злоупотребляющими властными полномочиями ради получения личной выгоды, которую может извлечь либо само должностное лицо, либо группа или стороны, к которым оно принадлежит [25, Р. 211]. При этом политическую коррупцию рассматривают как по отношению к основным субъектам, непосредственно участвующим в коррупционных действиях, т.е. лицам на самых высоких уровнях политической си-

стемы, так и по отношению к цели коррупционного поведения, совершаемого для сохранения власти [18, Р. 3].

В то же время коррупция имеет очень серьезные деструктивные экономические последствия. Анализируя коррупцию как экономическую проблему, С. Роуз-Аккерман пишет: «Ценовой механизм, столь часто призванный быть источником экономической эффективности и стимулятором экономического роста, может — в форме взятки — подорвать легитимность и эффективность государственной власти» [10, С. 7].

Значительно углубляет понимание феномена коррупции анализ социокультурных детерминант. Так, С. Хантингтон показывает значимость культурного фактора в осмыслении коррупции: «Если в культуре данного общества не проводятся различия между ролью короля как частного лица и главы государства, то невозможно обвинить короля в коррупции при использовании общественных денег» [16, с. 76]. Между тем А. Папакостас считает, что коррупцию не следует определять исключительно через культурную составляющую [9]. По мнению ученого, коррупция представляет собой, прежде всего, особые закрытые социальные отношения, основанные на взаимном доверии. «Разные страны отличаются по тому, как и в какой степени (скрытые) социальные отношения интерпретируются и классифицируются в качестве коррупционных. Однако с большей вероятностью эти различия отражают отношения власти, зависимости и переплетение ключевых институтов и участников публичной жизни» [9, С. 140].

В последнее время внимание ученых все чаще привлекают психологические основы коррупции [1; 20]. В частности, российские ученые А.Л. Журавлев и А. В. Юревич проанализировали психологические аспекты коррупции и выделили два основных мотива коррупционного поведения: стремление к материальным благам, либо отношение к коррупции как к опасной и увлекательной игре [1].

Как видно, коррупция представляет довольно сложный, многоаспектный феномен, наиболее полно раскрывающийся в рамках комплексного подхода.

В обобщенном виде коррупцию можно определить как социальные действия субъектов, взаимодействующих в контексте незаконных латентных отношений, направленных на нелегитимное использование формально-делегированных полномочий, прав и ресурсов должностного положения в личных или групповых целях на основе взаимовыгодных или выгодных для одной из сторон условий [2, с. 60].

Коррупция занимает теневую нишу неформальных отношений, встроенных в систему официально скоординированных взаимодействий. Это объясняет латентный характер коррупции, которая, как правило, развивается скрыто в различных социальных институтах. Среди прочего следует отметить институционализацию коррупции, происходящую в контексте регулярного воспроизводства коррупционных практик. Стихийное освоение и дальнейшее воспроизведение данных практик может происходить в повседневной жизни на уровне бытовой коррупции. В случае постоянного коррупционного взаимодействия происходит формирование организованных и систематизированных коррупционных практик, опосредующих включение в отлаженные теневые схемы работы.

Состояние, распространение, динамику изменения коррупции во многом определяет ее потенциал. При таком подходе стоит использовать специальное понятие «коррупционный потенциал».

Термин «потенциал» (от латинского слова *potentia* — сила, возможность) трактуется как «степень мощности в каком-нибудь отношении, совокупность каких-нибудь средств, возможностей; внутренняя возможность» [8, С. 571]. Потенция в свою очередь означает «возможность, то, что существует в скрытом виде и может проявиться при известных условиях» [8, С. 571].

В теоретическом пространстве социально-гуманитарных наук понятие «потенциал» приобретает особую смысловую окраску в зависимости от сущности явления, которое обладает потенциалом. В научном дискурсе коррупция представляет социокультурное явление, для которого предельно значимо раскрыть социально-психологические аспекты [3], что отсылает к социологической и психологической трактовке потенциала.

В социологии рассматривается социальный потенциал, который «формируется в ходе развития общества и включает в себя используемые и неиспользуемые источники, средства, силы, резервы, существующие в данный момент, и их предпосылки, которые могут проявиться в будущем...» [12, С. 236].

В социологической науке особое внимание уделяется потенциалу молодежи, являющейся специфической социально-демографической группой, обладающей огромным социальным и личностным потенциалом. В энциклопедическом словаре социологии молодежи рассматривается социальный потенциал молодежи как «возможности, заложенные в молодой генерации для обеспечения поступательного развития общества и саморазвития...» [11, С. 358].

В психологии термин «потенциальный» интерпретируется как «1. Возможный, еще не реализованный или не полностью реализованный. 2. Содержащийся в предмете или явлении, но открыто не проявляющийся. 3. Скрытый, но при известных условиях способный стать явным, открытым» [7, С. 303].

В психологическом направлении оформляются концептуальные идеи о личностном потенциале (ЛП). Психологи связывают ЛП со способностью действовать в относительной свободе от заданных условий, поэтому «...готовность к выбору и удовлетворенность выбором определяется такими ключевыми характеристиками ЛП, как жизнестойкость, локус каузальности, самодетерминация, толерантность к неопределенности, витальность и самоэффективность» [6, С. 514].

В содержании представленных интерпретаций можно выделить основные детерминанты феномена потенциала, как опорные точки для определения сущности его проявления в коррупции. Прежде всего, потенциал подразумевает наличие возможностей, средств, условий. В этом контексте коррупция предстает как социокультурное явление, которое набирает определенную силу в процессе своего формирования и распространения, имеет некую ресурсную составляющую (средства), используемые субъектами для реализации скрытых возможностей в особых условиях. Тем самым в поле социально-гуманитарного знания актуализируется тематика коррупционного потенциала. Но, несмотря на довольно обширную источниковую базу теоретических работ, раскрывающих сущностные аспекты коррупции с разных сторон, либо в комплексе ее специфичных проявлений, тема коррупционного потенциала обычно выпадает из фокуса научно-исследовательского внимания. Это обосновывает необходимость детальной концептуальной проработки коррупционного потенциала как самостоятельного феномена.

Определение понятия «коррупционный потенциал»

В трактовке коррупционного потенциала следует исходить из понимания дуальности его существования, когда, с одной стороны, происходит высвобождение ранее накопленного потенциала посредством участия в коррупционных отношениях. С другой стороны, остается часть нереализуемых возможностей, которые могут в соответствующих условиях воплотиться в действиях. Последнее, собственно, и означает потенциал — особые невыраженные во вне возможности индивида или социальной группы. В то же

время, это имманентно присущие свойства личности, которые затрагивают готовность человека совершать определенные действия в конкретной ситуации.

В разработке концепта коррупционного потенциала важно также учитывать динамический аспект и аккумулятивную сторону. Следует признать, что существующий продолжительное время социальный феномен, к которому относится коррупция, развивается на основе предшествующего опыта, полученного в контексте взаимодействия поколений, преемственности социальных практик, передачи культурного кода, что может в принципе опосредовать особенности восприятия коррупции в будущем.

Подытоживая вышеизложенное, остановимся на следующем определении. *Коррупционный потенциал* представляет совокупность скрытых (нереализованных) возможностей к совершению коррупционных действий, существующих на субъективном уровне и отражающих качественные характеристики индивида (социальной группы), способных реализовать (не реализовать) данные возможности при наличии и использовании определенных средств и ресурсов в соответствующих условиях.

Возможность совершения коррупционных действий определяется характеристиками индивида, социальной группы, либо общества в целом через изучение субъективного восприятия коррупции, представлений, ценностей, норм, отношения и др. На более глубинном уровне рассматриваются социально-личностные и психологические особенности индивида, социальной группы как потенциальных субъектов коррупции. В определенном ракурсе субъективную компоненту коррупционного потенциала можно представить как некую «патогенную» зону, которая уже послужила ранее или может послужить в будущем основанием для совершения коррупционных действий.

Особое значение приобретают те потенциальные возможности, которые нашли свое воплощение в конкретных действиях в условиях социальной реальности. Заметим, что воспроизводство коррупционного потенциала отражают коррупционные действия разного содержания и направленности, осуществленные посредством нелегального использования доступных должностных, управленческих, политических и иных средств и ресурсов. Аспект реализации коррупционного потенциала заслуживает особого внимания, так как отражает каналы, источники, реальные способы высвобождения скрытого потенциала.

В содержании понятия «коррупционный потенциал» есть ссылки на определенных носителей — его *субъектов*. Здесь подчерки-

вадается, что аккумулированный в феномене коррупции потенциал, представляет не безличную силу, а воспроизводится через людей. Важно то, что модели поведения реальных или потенциальных участников коррупционных отношений, подвижны под воздействием внешних и внутренних факторов, что изменяет пропорции «силового поля» коррупционного потенциала и привлекает внимание к его конкретным субъектам. В этой связи отметим, что в качестве субъектов коррупционного потенциала могут выступать индивид, социальные группы или общество. Поэтому специфика коррупционного потенциала проявляется в зависимости от принадлежности его носителей к различным половозрастным, профессиональным группам и др.

Если акцентировать исключительно реализованный коррупционный потенциал, то круг его субъектов сужается. В данном случае субъектами коррупционного потенциала могут быть акторы коррупционных действий. В этом контексте субъекты коррупционного потенциала совпадают с субъектами коррупции, к которым относятся должностное лицо (либо группа лиц), нелегально использующее преимущества служебного положения с целью получения определенных выгод и получатель (индивид или социальная группа), незаконно оплачивающий (либо иным образом возмещающий) оказываемые услуги.

Каждая из сторон теневой сделки имеет свой коррупционный потенциал. Между тем, объединение двух сторон в едином контенте отразит коррупционный потенциал субъектов коррупции, которые имеют реальный опыт участия в коррупционных отношениях.

Методологические подходы и методы исследования коррупционного потенциала

В международной и отечественной исследовательской традиции оформились определенные методологические подходы к исследованию феномена коррупции. Устоявшейся практикой считается использование социологических индикаторов, к которым относятся: «1) индикаторы, основанные на восприятии и опыте собственно коррупции; 2) косвенные индикаторы, оценивающие, так сказать, «антикоррупцию», т.е. институциональную структуру, а также различного рода меры и механизмы, включая законодательные, направленные на предупреждение и противодействие коррупции» [4, с. 20].

Сегодня международную известность получили агрегированный Индекс контроля коррупции Всемирного банка (The Worldwide

Governance Indicators, WGI) [26], обследования американской организации Дом Свободы (Freedom House), которая в рамках программы Nations in Transit (Nations in Transit) рассчитывает индекс коррупции [23] и др.

Существует мнение, что коррупцию следует анализировать в рамках интегративного подхода, согласно которому «...изучение любого социального явления должно производиться как с объективной или структурной, так и субъективной или деятельностной позиции» [3, С. 209]. В данной методологической перспективе обосновывается необходимость проведения исследований на междисциплинарной основе с применением методов социологии и психологии. Иными словами, коррупция как сложный и многоаспектный феномен требует комплексных исследований.

Очерчивая методологические рамки анализа коррупционного потенциала, следует учитывать существующую практику измерения коррупции, с одной стороны, и сложности и особенности изучения потенциала, с другой. Во-первых, коррупция сама по себе относится к латентным социальным явлениям, недоступным для прямого анализа. Во-вторых, понимание того, что у такого рода явлений имеется нереализованный потенциал, который необходимо выявить, требует разработки особого инструментария. Однако специфичность исследовательской ситуации этим не исчерпывается. Сложно не только разработать стратегию исследования и подобрать соответствующие научные методы измерения, но и привлечь к участию потенциальных респондентов. Ведь люди не просто скрывают свою причастность к преступным коррупционным деяниям, а в принципе избегают обсуждения темы коррупции, что может создавать дополнительные препятствия для получения информации на эмпирическом уровне.

Возвращаясь к коррупционному потенциалу, определим субъективные и объективные индикаторы, через которые его можно исследовать. Начнем с того, что коррупционный потенциал содержится в непроявленных возможностях индивида (социальной группы), которые можно изучить косвенным образом, анализируя представления о явлении коррупции, особенности отношения к коррупции, к участникам коррупционного взаимодействия; переживания по поводу возможного участия в коррупционных сделках; нормы, ценности, существующие в обществе, которые осваивает индивид в процессе социализации и др. Данные элементы можно артикулировать и исследовать комплексно в поле личностных смыслов. Также предлагается использовать следующие субъективные индикаторы:

— эмоционально-нравственное восприятие коррупции (показывает позитивное, негативное, либо нейтральное отношение к коррупции);

— определение коррупционной ситуации (в каких ситуациях, по мнению индивида, допустимо совершение коррупционных действий, в каких категорически не допустимо);

— оценка ресурсообеспечения коррупции (отражает, какие ресурсы готов индивид (социальная группа) использовать для участия в коррупции, в каком размере);

— оценка риска применения санкций (показывает субъективную оценку индивидом (социальной группой) возможности наказания за участие в коррупции, что может сдерживать от коррупционных действий, так как слишком высок риск санкций);

— оценка текущего состояния уровня коррупции (определяет субъективную оценку распространенности коррупции в различных сферах жизни общества на данный момент);

— оценка краткосрочных/долгосрочных перспектив изменения уровня коррупции в стране (отражает восприятие развития феномена в обществе);

— оценка устойчивости коррупции (насколько результативны в субъективном восприятии меры государственной антикоррупционной политики для искоренения коррупции) и др.

Воспроизводство коррупционного потенциала через коррупционные действия требует поменять точку обзора. Реализованный потенциал воспринимается в объективно фиксируемых проявлениях, характеризующих состояние коррупции на текущий момент. Таковы, в частности, индикаторы, отражающие:

— сферы жизни общества, в которых больше всего распространена коррупция, степень ее распространения на социетальном уровне (государственные органы, ЖКХ, здравоохранение и т.д.);

— основные характеристики субъектов коррупции (социально-профессиональный, социально-демографический статус участников коррупционных отношений и др.);

— виды коррупционных действий и способы коррупционного взаимодействия субъектов (услуги, которые чаще всего «незаконно оказываются», длительность коррупционного взаимодействия и т.д.);

— средства и ресурсы, используемые для осуществления коррупционных действий (должностные полномочия, управленческие, экономические ресурсы и др.);

— коррупционный охват населения (измеряет частоту участия граждан в бытовой коррупции);

— коррупционный оборот (показывает средний размер взяток в год) и др.

Для получения данных вполне возможно использовать официальную статистику о зарегистрированных правонарушениях, предоставляемую правоохранительными и иными специальными органами. Но здесь необходимо учитывать, что определенная часть совершенных коррупционных действий выпадает из официальных данных. В этой связи целесообразно применять социологические методы, а именно: анкетные опросы населения, опросы экспертов, интервью, контент-анализ форумов, посвященных проблеме коррупции, которые могут отразить более полную картину, что особенно актуально для бытовой коррупции. При составлении анкеты важно помнить, что затрагивается коррупционный опыт, поэтому требуется тщательно проработанные и корректные формулировки вопросов и вариантов ответов. Отдельно заметим, что понятие «коррупционный опыт» неразработанное в социально-гуманитарном знании, использовать его следует в определенных теоретико-методологических границах. Априори предполагается, что наличие или отсутствие опыта участия в коррупционных отношениях отразит интенсивность использования коррупционного потенциала в обществе.

В представленном методологическом спектре показаны методы, которые можно использовать в зависимости от целей исследования. Задача заключалась в том, чтобы продемонстрировать исследовательское поле, открытое для перспективных научных разработок. Выделенные индикаторы и предложенные для их изучения методы могут дополняться или дорабатываться. Так, существует глубинный пласт субъективного измерения, который затрагивает психологические детерминанты, что потребует применения методов психологии.

Заключение

Подведем некоторые итоги представленных в рамках статьи выводов и рассуждений. Прежде всего отметим, что коррупционный потенциал феномен неоднозначный, разносторонний, функционирующий в двумерной плоскости реализованных и нереализованных возможностей. Собственно, определяется коррупционный потенциал на субъективном уровне, как латентные возможности к совершению коррупционных действий, которые могут быть реализованы при наличии определенных средств и ресурсов в соответствующих условиях. В контексте данного понимания особую

значимость приобретают характеристики субъектов коррупционного потенциала.

О состоянии, особенностях проявления феномена коррупционного потенциала можно судить исходя из реально функционирующего потенциала, что отражают объективные данные о фактах коррупции. Выявить их сложно и официальная статистика, хоть и служит ценным источником информации, требует проведения дополнительных исследований.

Однако особую угрозу представляет скрытый коррупционный потенциал, который может быть достаточно мощным. Неиспользованные возможности приобретают качество «пассивного» потенциала, если его применению препятствуют сложившиеся условия и особые обстоятельства. В то же время нереализованный коррупционный потенциал представляет резерв, который может воспроизводиться в «благоприятных» для этого условиях. Для выявления скрытого коррупционного потенциала могут потребоваться междисциплинарные исследования.

Библиографический список

1. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 8–21.
2. Кареева С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. К интерпретации понятия «коррупция»: социетальные и социально-психологические аспекты // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 2. С. 52–64. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/755>
3. Климовицкий С.В., Кареева С.Г. Методология измерения социально-психологических факторов коррупции // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. №4. С. 206–222.
4. Коррупция: социально-психологическое измерение М. : ИСПИ РАН, 2015.
5. Коррупция в России: мониторинг. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3678 от 01 июня 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9139>
6. Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011.
7. Немов Р.С. Психологический словарь. М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003.
9. Папакостас А. Становление цивилизационной публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция. М. : ВЦИОМ, 2016.
10. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М. : Логос, 2010.

11. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М. : Academia, 2008.
12. Социологическая энциклопедия. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. М. : Мысль, 2003.
13. Социально-психологические исследования коррупции. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, В.А. Соснин. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
14. Указ Президента РФ от 29 июня 2018 года № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301352/
15. Федеральный Закон от 25 декабря 2008 года №273 «О противодействии коррупции». URL: <http://base.garant.ru/12164203/>
16. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004.
17. Aidt, Toke S. Economic Analysis of Corruption: A Survey. *The Economic Journal*, 2003, vol. 113 (491), pp. 632–652.
18. Amundsen, I. What is political corruption? Bergen: Chr. Michelsen Institute (U4 Issue 2006:6), 36 p. URL: <http://www.u4.no/publications/political-corruption/>
19. Barr, A., Serra, D. Corruption and Culture: An Experimental Analysis. *Journal of Public Economics*, 2010, vol. 94 (11-12), pp. 862-869
20. Bicchieri, C., & Ganegoda, D. Determinants of Corruption: A Sociopsychological Analysis. In P. Nichols & D. Robertson (Eds.), *Thinking about Bribery: Neuroscience, Moral Cognition and the Psychology of Bribery*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017, pp. 177–178.
21. Fjelde H., Hegre H. Political Corruption and Institutional Stability. *Studies in Comparative International Development*, 2014, vol. 49 (3), pp. 267–299
22. Getz K. A., Volkema R.J. Culture, Perceived Corruption, and Economics: A Model of Predictors and Outcomes. *Business and Society*, 2001, vol. 40 (1), pp. 7–30
23. Nations in Transit 2018: Controlling Illiberalism. Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/nations-transit-2018>.
24. Olken, B. A. Corruption Perceptions vs. Corruption Reality. *Journal of Public Economics*, 2009, vol. 93 (7-8), pp. 950–964. URL: <http://economics.mit.edu/files/3931>
25. Treisman, D. What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? *Annual Review of Political Science*, 2007, vol. 10, pp. 211–244.
26. The Worldwide Governance Indicators (WGI) project. The World Bank. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home>